

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-137-146

Культурно-исторические практики экстремизма

Малахов А.Г., Римский А.В.

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина,
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

E-mail: alexander.malakhov16@yandex.ru; alex.rimskiy@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время экстремизм является одной из ключевых проблем человечества как в мировом, так и в национальном масштабе. Изучение экстремизма с культурно-исторической точки зрения является важным фактором по разработке мер противодействия данным практикам антисистемной культурной и политико-правовой деятельности. Однако возникновение и феноменология экстремизма в истории культуры и культурных практиках остаются вне поля интересов исследователей. В связи с этим авторы предлагают к рассмотрению культурно-исторические практики экстремизма, что также предполагает использование диалектической и системной методологии. В результате исследования сделан вывод о том, что сегодня в Российской Федерации формируется эффективная система активного взаимодействия разных ветвей власти для борьбы с новыми формами экстремизма, обеспечения общественной безопасности и реализации прав и свобод российских граждан.

Ключевые слова: культурно-исторические практики, антисистемность, экстремизм, экстремистские сообщества, терроризм, насилие

Для цитирования: Малахов А.Г., Римский А.В. 2023. Культурно-исторические практики экстремизма. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(1): 137–146. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-137-146

Cultural and Historical Practices of Extremism

Alexander G. Malakhov, Aleksey V. Rimsky

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

E-mail: alexander.malakhov16@yandex.ru; alex.rimskiy@yandex.ru

Abstract: Currently, extremism is one of the key problems of humanity both on a global and national scale. The study of extremism from a cultural and historical point of view is an important factor in the development of measures to counteract these practices of anti-systemic cultural and political and legal activities. However, the emergence and phenomenology of extremism in the history of culture and cultural practices remain outside the field of interests of researchers. In this regard, the authors propose to consider the cultural and historical practices of extremism, which also involves the use of dialectical and systemic methodology. It is concluded that an effective system of active interaction between different branches of government is being formed in the Russian Federation today to combat new forms of extremism, ensure public safety and exercise the rights and freedoms of Russian citizens.

Keywords: cultural-historical practices, anti-systemicity, extremism, extremist communities, terrorism, violence

For citation: Malakhov A.G., Rimsky A.V. 2023. Cultural and Historical Practices of Extremism. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 137–146 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-137-146

Введение

Считаем важным отметить, что для мировой истории и истории России такие понятия, как национализм, фашизм, сепаратизм, отрицание религиозного многообразия, нетерпимость и ксенофобия являются совсем не новыми. При этом проблематика экс-

тремизма, прежде всего в его современных формах (политико-правовых, национальных и глобальных, религиозных, культурных и т.д.), столь подробно описана в СМИ и проинтерпретирована в социально-гуманитарных исследованиях, часто междисциплинарных, что может показаться обыденной и не заслуживающей какой-либо новизны. Однако имеется один аспект, фактически опущенный как в академических работах, так и в массмедийном дискурсе: это возникновение и феноменология экстремизма в истории культуры и культурных практиках.

Мы можем указать на единичные публикации, посвящённые тематизации феноменов экстремизма в культурно-историческом пространстве: это, например, статьи С.А. Воронцова [2007], В.И. Погорельцева [2020] и Н. Соснова [2015], написанные, к сожалению, с позиций классового, социологизаторского подхода, хотя здесь важно применять философско-культурологическую методологию. В диссертации одного из авторов данной статьи в своё время получили освещение культурно-исторические практики религиозного экстремизма [Римский, 2012], но необходим более широкий взгляд на культурно-историческую феноменологию экстремизма.

Предлагаемая статья по возможности старается ликвидировать те пробелы в научном дискурсе об экстремизме, которые связаны с его культурно-историческими практиками, как правило, антисистемными, что также предполагает важность использования диалектической и системной методологии.

Характеристики культурно-исторических практик экстремизма

Как создать те понятийные и методологические маркеры, которые помогут исследователю идентифицировать феномены экстремизма в исторической событийности, мировой и отечественной? Прежде всего, нам должны помочь в понятийной идентификации экстремизма герменевтические смыслы и рациональные определения этого феномена и формы антисистемной деятельности человека. При этом необходимо сначала обратиться к истокам толкования термина «экстремизм». Латинский термин *extremus* дословно переводится как «чрезмерный, крайний», то есть выходящий за определенные законы, нормы, правила поведения, рамки и т.п., – если понимать предельно широко, то разрушающий границы и пределы любой социокультурной, политико-правовой или аксиологической системы, что и определяет антисистемный характер любого вида и формы экстремизма [Римский А.В., Римский В.П., 2021].

Так как сам термин получил концептуализацию в XVIII веке в качестве политического понятия (в работах Ш. Монтескье, французских идеологов и революционеров), то чаще всего рассматриваются политико-правовые формы и виды экстремизма. Политико-правовой экстремизм – это особая деятельность индивидов и сообществ, предполагающая достижение политических целей нелегитимным способом с использованием радикальных целей и методов, антисистемных идеологий и культурных смыслов. Также мы обозначим и собственный, философский подход к пониманию экстремизма: «Характер номинирования социокультурных (в том числе и религиозных) феноменов в этих дискурсах в качестве экстремистских указывает на такие характерные черты его аксиоматизации, как *исключение, неопределенность, избыточность*, что ведет к параллелям между *экстремизмом, насилием и чрезвычайным положением*. Это позволяет, в свою очередь, выявить в пространстве политико-правового дискурса в экзистенциальном контексте универсальные *метафизические смыслы* феноменов религиозного экстремизма: *избыточное исключение* (сублимация и рационализация жизненной и социальной энергии), *неопределенность* (размывание культурных основ бытия человека и социума), *жизненную и социальную чрезмерность* (чрезвычайная ситуация, кризис, пограничная ситуация)» [Римский, 2012, с. 11]. Мы давали данное определение применительно к религиозному экстремизму, связав его с политико-правовой формой, но он оказывается фундаментальным по отношению к любым видам и формам экстремизма. Избыточность, чрезмерность и сверхмерность

(нарушение меры), маргинальность, антисистемность и возникновение *чрезвычайных ситуаций* (бунты, революции и т.п.) – вот самые простые характеристики и маркеры культурно-исторических практик экстремизма.

Истоки экстремизма

Переходя к экспликации данных практик, отметим, что такое явление, как экстремизм неразрывно связано с историей человечества на протяжении нескольких тысяч лет, безусловно влияя на ключевые сферы механизма государства и человеческую жизнедеятельность. Среди прочих имеет место такая точка зрения, согласно которой экстремизм зародился в момент, когда определенные категории граждан возвысились над остальными путем получения имущественных предпочтений и материальных выгод, то есть в процессе разделения общества на классы. Социальная борьба внутри и между человеческими сообществами, разумеется, играла важную роль в появлении экстремальных практик и радикальных способов их реализации. Но вряд ли целесообразно распространять капиталистический феномен классов на ранние стадии истории, хотя и тогда мы обнаруживаем, что различные группы и сообщества совершали определенные поступки и действия, которые в настоящее время подпадают, хоть и косвенно, под понятие экстремизма.

Еще в древности происходили ситуации, когда «экстремисты» для достижения своих идеалов и целей не стеснялись применять крайне радикальные меры, такие как убийства, насилие и запугивание мирного населения, которые часто шли в разрез с религиозными законами, обычаями и нормами морали [Воронцов, 2007]. Упоминания об одной ранней экстремистской группировке встречаются в Римской империи, на территории которой действовало иудейское сообщество, именуемое «сикариями» (от евр. *sica* – «кинжал»), целью его деятельности была борьба за независимость еврейского народа и государства. Для достижения своей цели они использовали нападения, преимущественно в людных местах Иерусалима, на представителей римских элит и лояльных им чиновников местной знати.

В последующем экстремизм претерпел значительные изменения в эпоху Средневековья на территории Западной Европы, где теория насилия над «неверными еретиками» не просто поддерживалась, а напрямую исходила от Ватикана, кроме того, по их мнению, во всех своих проявлениях поощрялась Богом. Поддержку в пользу насилия на почве религиозной нетерпимости были обязаны оказывать и правящие дома Европы. Фундаментальным основоположником теории церковного насилия и насильственных методов для борьбы с неудобными «еретиками» и последующего их обращения в сторону христианства был влиятельный в то время богослов Августин Аврелий. Данная теория насилия в дальнейшем приобретает губительный и всеобъемлющий характер. Господствующей формой поведения населения становится социальная агрессия, которая на протяжении всего Средневековья будет только нарастать как следствие ответа повсеместного применения насилия церковью. И единственный верный способ противостоять Ватикану народ находит в массовых убийствах церковных сановников.

Наибольшее развитие экстремистская деятельность, как правило, получала в период тех или иных общественных, экономических или социально-политических потрясений. К такому примеру можно отнести период Великой французской буржуазной революции 1789–1793 гг., когда ультралевые и ультраправые силы использовали экстремистскую терминологию как способ крайних мер в борьбе за власть. Известное французское выражение эпохи революции «гильотина – лучшее лекарство от перхоти» являлось одним из ключевых девизов экстремистов. Основные положения экстремизма, которые известны сейчас, такие как отказ рассматривать любые предлагаемые компромиссы, закладывались именно в рассматриваемый нами период [Беляков, Матвейчев, 2009]. Идеологический фундамент современной экстремистской деятельности был заложен в XIX веке. Карл Гейнцен, радикал немецкого происхождения, пытался на протяжении достаточно длительного времени оправдать и снять моральный запрет на убийства по политическому принципу. Весь смысл его ключевых работ сводился к одному – убийству оппозиционеров

действующей власти. Ради достижения своих целей К. Гейнцен безнравственно призывал к массовым убийствам. Многие практики и теоретики, которые исследуют и обращаются к истокам проблемы теории насилия, признают К. Гейцена основоположником идеологии современного терроризма.

Экстремистская деятельность и противостояние ей в истории России

Наиболее популярной формой реализации экстремистской деятельности на Руси было убийство лидеров на политической почве. Здесь достаточно упомянуть князей Бориса и Глеба, которых в 1015 году убил Святополк [Петрянин, 2011]. Описание события 1113 года, а именно убийства Великого князя Владимира Святославовича и последовавшей после его смерти борьбы за власть с целью захвата престола, возможно, было первым случаем письменного упоминания экстремизма на Руси. Междоусобные войны наносили колоссальный вред до конца не сформировавшемуся древнерусскому государству и имели необратимые последствия, усугубляя в дальнейшем фактор политической раздробленности. Как следствие это привело к резкому упадку авторитета государства в контексте внешней политики, бессилию противостоять внешним врагам и распаду государства. В борьбе за власть на всех ее уровнях экстремизм являлся самым эффективным орудием, поэтому изначально имел чисто политический характер.

В свою очередь для борьбы с такими явлениями в различных их формах на государственном уровне стали появляться определенные нормы права. Например, самым тяжким составом преступления по Псковской судной грамоте 1467 года было посягательство на государственную власть, которое в свою очередь каралось смертной казнью. Преступления экстремистского характера достигли критических масштабов в последующие века, что не могло не отразиться в закреплении ответственности за их реализацию. Судебник 1497 года являлся первым кодифицированным источником права. Одной из ключевых целей принятия Судебника являлась борьба с преступлениями антигосударственной направленности, которые подрывали суверенитет и целостность государства. При разработке данного нормативно-правового акта была сделана попытка определить круг деятельности экстремистских преступлений. В данном источнике права не было дано четкого определения понятию «экстремизм» и его более тяжелой форме – «терроризм».

В начале XVI века Россия столкнулась с колоссальными социальными и политическими потрясениями не только в крупных городах (Москва, Новгород, Тверь), но и в сельской местности. Борьба различных боярских группировок губительным образом сказывалась на авторитете царской власти, а рост налогов и разделение территории страны на земские и опричные земли окончательно усугубили положение. Пожар в Москве 1547 года послужил отправной точкой народным волнениям, в результате которых были убиты неугодные низам чиновники, которых они посчитали виновными в случившемся, кроме того, большая часть боярских имений в столице была разорена. Ответная правовая реакция со стороны государства не заставила себя долго ждать – всего через несколько лет был принят новый Судебник, в редакции которого появились новые составы преступления экстремистской направленности, например, такие как убийство государственного служащего [Чернявская, 1997].

Приход к власти Лжедмитрия, убийство Годунова и появление на троне Шуйского – именно эти политические события выпали на долю нашего государства в начале XVII века. Они погрузили ее в беззаконие, анархию и массовые беспорядки, более того, смену власти на местах, которая тогда проходила повсеместно, следует расценивать как свержение действующего на тот момент государственного строя. Глубочайший политический кризис, достигший пика своего развития к осени 1611 года, возник вследствие постоянной борьбы оппозиции и действующей власти посредством использования крайне радикальных мер, в результате которых количество бандитов и самозванцев достигло небывалых масштабов, на местах творился хаос, а стратегически важные земли на Западе, в том числе и Москва, были оккупированы поляками. Война с Польшей привела к появлению новых

налогов и податей, а также к увеличению старых, взимание которых сопровождалось сплошным насилием. Как следствие благосостояние основной массы подданных стремительно ухудшалось, а недовольство выражалось посредством крестьянских войн, бунтов и народных восстаний в течение следующих 70 лет. Данный факт свидетельствует о проблемах в источниках права, полном отсутствии авторитета у власти и нехватке действенных механизмов урегулирования проблем в обществе.

Крестьянская война 1667–1671 годов под руководством Степана Разина явилась апогеем развития перечисленных выше проблем и событий. Восставшие преследовали единственную цель – свержение действующей власти, которая сопровождалась повсеместным насилием и грабежами. Данный факт свидетельствует о наличии прямого экстремистского мотива у восставших. Ужесточение наказания за преступления такого рода стали закономерным ответом со стороны государства. Основным критерием данного состава преступления теперь являлся статус потерпевшего, то есть вид наказания напрямую зависел от статуса государственного чиновника. Преступлением стало считаться не только его совершение, но и приготовление к нему.

В 70-е годы XVIII века в Российской империи сложилось тяжелое положение, которое было связано с волнениями нижних слоев населения. В это время произошло и наиболее важное общественно-политическое событие, а именно восстание крестьян под предводительством Е.И. Пугачева. Ряд бунтов крестьян, приравниваемых некоторыми историками к «крестьянской войне», имели в своих целях и схожую с экстремистской направленность, исходя из современного толкования данного явления, так как хотели этим повлиять на деятельность органов государственной власти, изменить их решение по наиболее важным вопросам страны, а также воспрепятствовали их деятельности. Именно потому стоит рассмотреть деятельность правоохранительных органов в указанный период, чтобы оценить их роль в борьбе с экстремизмом. Пугачевское восстание оказало большое влияние на дальнейшую модернизацию структуры полиции, более детальной законодательной регламентации ее полномочий и функций, упрочнении правоохранительной системы России.

Вошедшим в силу в 1782 году «Уставом благочиния и полицейским» устанавливались рамки компетенции полицейских органов [Коновалов, Шиманис, 2017]. В результате изучения данного документа выяснилось, что в нем не содержится конкретных указаний на деятельность по противодействию экстремизму, формам его проявления, хотя прослеживается ряд полномочий, которые так или иначе способствуют пресечению актов экстремистской деятельности, по крайней мере, они направлены на борьбу с предпосылками и истоками данной деятельности. К таким полномочиям, например, относится наблюдение за повседневной жизнью граждан, пресечение выступлений, направленных против церкви и веры, что по сути является возбуждением розни по религиозному признаку. Также полицейские органы должны были пресекать деятельность незарегистрированных общественных организаций и тайных собраний, сопротивление решениям властей. Что касается мер, которые использовали полицейские органы для реализации юридической ответственности, то их можно охарактеризовать как жесткие в силу того, что использовались как телесные наказания, так и смертная казнь. Таким образом, правоохранительные органы в конце XVIII века не уделяли должного внимания противодействию проявлениям экстремизма по причине отсутствия его как такового, хотя осуществленная регламентация их деятельности с установлением рамок компетенции сыграло важную роль в создании предпосылок для дальнейшего развития данной функции у полиции [Спиридонов, 2006].

Однако принято считать, что появление экстремизма в России в современном его виде случилось в первой четверти XIX века, а именно 25 декабря 1825 года. В этот день офицеры царской армии, возглавив свои воинские подразделения, попытались совершить государственный переворот и, свергнув императора, принять по французским или американским образцам Конституцию и отменить дворянские вольности и крепостное право. Нельзя обойти стороной и тот факт, что среди восставших часто встречались призывы к убийству императора и всей царской семьи. Позднее данные события станут называть восстанием декабристов

[Телегин, 2013]. На протяжении следующих 50 лет Россия вновь будет страдать от террора, направленного как против государственного строя, так и против императоров, министров и чиновников различного уровня. Народная воля – наверное, самая известная боевая группировка второй половины XIX века, не эффективное противодействие которой в итоге привело к убийству императора Александра II [Будницкий, 1994]. В данный период времени было разработано немало доктрин и учений революционного характера, но особое внимание заслуживает разработанная М. Бакуниным «Теория разрушения», которая нашла огромное количество последователей. Смысл этой теории заключался исключительно в террористических действиях и полном отказе в использовании пропаганды. Истинного порядка по мнению анархистов можно было достичь исключительно в результате хаоса, который невозможно было реализовать в условиях существования государства.

Важное значение для рассмотрения данной тематики имеют первые десятилетия после 1861 года в Российской империи. Несмотря на отмену крепостного права и ряд других важнейших реформ, направленных на стабилизацию положения нижних слоев населения, проведенных в рамках «народно ориентированной» политики Александра II, в стране активно развиваются экстремистские движения, формируются общества и кружки, деятельность которых направлена на оказание влияния на государственные органы. В это же время деятельность этих движений, по сравнению с восстаниями и бунтами прошлых лет и веков, по-настоящему приобретает характер экстремистской, и его можно рассматривать в значении, данном французскими учеными и просветителями, – как крайнее проявление политических, социальных или религиозных взглядов. Как отмечают некоторые авторы научных статей, «российская база экстремизма зарождалась на зарубежном опыте» [Синцов, 2018].

Следует полагать, что на данном историческом этапе правоохранительные органы должны были уделять много внимания проявлениям экстремизма и активно осуществлять борьбу с ними. Еще в первой половине XIX века по Указу № 449 от 3 июля 1826 года было создано III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее СЕИВК), которое просуществовало до 1880 года. По Указу, в его функции входил тайный политический сыск, борьба с инакомыслием, общественными и революционными движениями, наблюдение за распространением нелегальной литературы и оппозиционными настроениями различных общественных групп и т.д. [Бредихин, 2020]. Помимо указанных функций, орган также осуществлял наблюдение за деятельностью чиновников и иных органов власти. По сути данный орган являлся центром борьбы с экстремизмом, его основной задачей оставался контроль за слоем общества, представленным молодыми образованными людьми, которые были приверженцами европейских просвещенских, либеральных идей и настроений.

Стоит сказать, что проблемой 3-го Отделения СЕИВК было то, что за ним закреплялось множество функций, в которое входила не только борьба с экстремистской деятельностью. Разнородность задач у одного органа при ненадлежащей его структуризации понижает эффективность деятельности по всем направлениям работы. Хотя необходимо отметить, что ряд историков, исследовавших тексты ежегодных отчетов А.Х. Бенкендорфа, первого руководителя 3-го Отделения, отмечают результативность наблюдения за органами власти, так как каждый отчет содержал слова о ненадлежащем исполнении обязанностей чиновниками. К тому же фактически данный орган лишь собирал сведения и докладывал о них императору, что должным образом не создавало противодействия экстремизму. Важно сказать об органе, который был создан в 1898 году, – Особым отделом, занимавшимся политическим розыском (в составе Департамента полиции в МВД), его основные задачи были схожи с полномочиями 3-го Отделения СЕИВК. У данного органа прослеживается более детальная регламентация полномочий, их направленность на пресечение экстремистских настроений путем сбора информации, политического сыска, слежки за высшими учебными заведениями, организация работы агентуры и т.д. [Романова, 2017]. Говоря о политических органах по противодействию экстремистской деятельности в XIX веке, необходимо учитывать общественно-политическую обстановку, в которой они осуществляли свою деятельность.

Таким образом, борьба с экстремизмом для страны в тот период имело крайне важное значение, но, по результатам рассмотрения компетенции и деятельности, можно сделать вывод, что противодействие этому явлению не имело достаточной эффективности вследствие наличия множества разнородных областей, в которых проводилась работа, постоянных структурно-организационных перестановок, а также малой эффективности принимаемых мер.

Весь разрушительный, антисистемный – теоретический и практический – опыт, накопленный на протяжении XIX века, был в полной мере применен в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, творцами которой были В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий [Малахов, 2021]. Достигнув своих целей и придя к власти, большевики пересмотрели свое отношение к анархистам и к их доктрине по отмиранию государства. Эти люди, которые показали, что готовы пойти на все ради достижения конкретной цели, стали не нужны новому политическому режиму, так как представляли угрозу своими экстремистскими действиями. Опасения большевиков в полной мере оправдались вследствие событий 1918–1919 годов, а именно убийства В. Володарского – комиссара по агитации и пропаганде, взрыва здания Московского комитета РКП(б) и покушения Ф. Каплан на В.И. Ленина. В результате борьбы с экстремистами, начиная с 1917 года и на протяжении нескольких лет, деятельность анархистов и эсеров свели на нет путем их уничтожения. А так называемая ленинская гвардия в последующем будет уничтожена в ходе сталинских политических репрессий.

Необходимо отметить, что в первые несколько десятилетий XX века любые антисоциалистические идеи и настроения жестко карались действующим режимом путем заключений или расстрелов, о чем свидетельствуют факты задержаний по политическим мотивам. В военное время необходимым условием для успешного противостояния таким настроениям и единственно верным решением было расширение-полномочий и ужесточение ответственности за совершение подобных действий. Также стоит упомянуть и об органах, занятых в противодействии «экстремизма», функционировавших в XX веке. Особенность их деятельности обусловлена большим количеством перемен в обществе и государстве, изменением формы правления, политическими замыслами руководителей страны и силовых ведомств, революциями, войнами.

Важно отметить, что основным направлением деятельности в довоенное время был именно политический экстремизм (контрреволюционная деятельность), в послевоенное – к этому прибавляются еще и проявления или попытки возрождения фашизма, возбуждение розни по расовому признаку. Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК было реорганизовано в Главное политическое управление при НКВД РСФСР, а на местах были образованы политические отделы. Основной задачей данного органа стало «подавление открытых контрреволюционных выступлений» [Камалова, 2012], но помимо нее, в ст. 2 Декрета перечислены еще несколько задач, которые были возложены на ГПУ. Преобразование Всероссийской чрезвычайной комиссии в новый орган повлекло за собой сужение рамок его компетенции, в том числе частично и полномочия на вынесение внесудебных решений, сокращение числа органов специального назначения. В целом данное решение ВЦИК было обусловлено сменой политической обстановки в стране, а именно окончанием Гражданской войны.

В 1923 году на базе ГПУ образовывается Объединенное Государственное Политическое Управление при НКВД РСФСР, а уже в 1934 году ОГПУ входит в состав НКВД как Государственное Управление Государственной Безопасности. Одной из задач ОГПУ также оставалась борьба с контрреволюционными проявлениями, выявление которых осуществлялось посредством контроля за общественными объединениями, а также участия сотрудников ОГПУ в комиссиях по утверждению уставов обществ, имеющих целью извлечение прибыли. По мнению С.Е. Матвеева, если во время Гражданской войны органы ВЧК использовали жесткие методы борьбы с контрреволюционными проявлениями, то органы ГПУ и ОГПУ осуществляли свою деятельность в более мирное время, что объективизировало необходимость применения менее жестких методов [Матвеев, 2009]. Агентурная работа в парторганах стала основным средством борьбы с антисоциалистическими

проявлениями. Она была направлена на сбор информации тайным путем, слежку и преследование контрреволюционных идей и мнений. Несмотря на условное смягчение проводимой органами государственной безопасности политики, методы их деятельности часто нарушали основные права человека, имели место и проявления жестокости.

Стоит отметить, что в случае рассмотрения экстремизма как «крайних форм проявления» тех или иных взглядов и антисистемных действий, то, исходя из такого понимания, в данное время часто караются любые антисоциалистические настроения и идеи, о чём свидетельствуют многочисленные репрессии по политическим мотивам, в том числе и авторов художественной литературы, которые тем или иным образом касались вышеуказанной тематики. В военное время ситуация обострилась, что объясняется сложившейся обстановкой. В условиях боевых действий меры ужесточились, полномочия политико-правовых органов расширились.

Так, необходимо сделать вывод, что в первые четыре десятилетия XX века органы, которые занимались противодействием экстремизму, не раз претерпевали структурные изменения, реформы, состояли из большого количества низкоквалифицированных сотрудников, что обуславливалось распадом Российской империи вместе с ее органами и кадрами и формированием новой страны, которая была вынуждена использовать тот кадровый резерв, который был более доступен, к тому же сам экстремизм тогда понимался отлично от нынешнего его толкования. Если абстрагироваться от различных исторических факторов, свидетельствующих о жестокости применяемых органами мер, то можно говорить об эффективности их деятельности в существующей в тот момент общественно-политической обстановке.

Схоже сложилась ситуация и во второй половине XX века в СССР. 13 марта 1954 года образовалось новое ведомство с правами министерства – Комитет Государственной Безопасности (далее КГБ). Наряду с осуществлением контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, органы КГБ осуществляли борьбу с антисоветскими проявлениями, инакомыслием, вели активную агентурную работу. Данный орган государственной безопасности также претерпел ряд реформ, но их значение не имело принципиального характера, не меняло сущности его деятельности. Важно сказать, что борьба с экстремизмом была лишь частью тех функций, которые осуществлял Комитет, поэтому нельзя однозначно судить о должном ведении противодействия данному антиобщественному явлению, хотя ряд авторов отмечают факты, свидетельствующие об активной борьбе с проявлениями инакомыслия [Казьмин, 2020]. Современная политическая ситуация как во всем мире, так и в России вызывает необходимость активизации борьбы с различными проявлениями экстремизма.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, представляется наиболее целесообразным говорить о том, что на протяжении нескольких веков в России тем или иным образом осуществляли борьбу с проявлениями практик и идеологии экстремизма государство и политико-правовые охранительные институты, хотя в ходе истории они неоднократно реформировались, менялась их компетенция, которая отвечала требованиям той или иной общественно-политической ситуации в стране и на международной арене. Сегодня, в XXI веке, в Российской Федерации формируется достаточно эффективная система активного взаимодействия разных ветвей власти, которая осуществляет квалифицированную и действенную борьбу с новыми формами экстремизма, обеспечения общественной безопасности, а также реализации прав и свобод российских граждан (особенно в условиях чрезвычайной ситуации СВО).

Список литературы

- Беляков А.В., Матвейчев О.А. 2009. Большая актуальная политическая энциклопедия. М., Эксмо: 424 с.
Бредихин А.Л. 2020. III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в истории российского политического сыска. Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право, 5(1): 5-11.

- Будницкий О.В. 1994. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина 19 в. – начало 20 в.). Отечественная история, 6: 203-209.
- Воронцов С.А. 2007. Понятие экстремизма и его существенные признаки. Философия права, 4: 65-71.
- Казьмин В.Н. 2020. Инакомыслие в советском обществе: этапы становления и развития (с середины 1950-х до начала 1990-х годов). Вестник Томского государственного университета, 450: 112-119.
- Камалова Г.Т. 2012. Подразделение ВЧК – ГПУ – ОГПУ в системе органов государственной власти. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право, 7 (266): 14-19.
- Коновалов И.А. 2017. Организация городской полиции по «Уставу благочиния или полицейскому» 1872 года. Правоприменение, 1(2): 31-37.
- Малахов А.Г. 2021. Насилие в теории перманентной революции. Будущее науки-2021: Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции (21–22 апреля 2021 года). Том 3. Курск, Юго-Западный государственный университет: 133-136.
- Матвеев С.Е. 2009. Некоторые аспекты деятельности органов ОГПУ – НКВД на северо-западе России в 1920-1930 годы. Вестник РУДН, серия История России, 5: 169-175.
- Петрянин А.В. 2011. Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России. Пенитенциарная наука, 16: 85-90.
- Погорельцев В.И. 2020. Зарождение и развитие экстремизма в мире и в России. International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 3-2 (42): 178-184.
- Римский А.В. 2012. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма. Дисс. ... канд. филос. н. Белгород: 159 с.
- Римский А.В., Римский В.П. 2021. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46 (3): 489-498.
- Романова А.В. 2017. Становление и развитие компетенции МВД Российской империи в начале XIX - начале XX в. (на примере исполнительной полиции). Историческая и социально-образовательная мысль, Том. 9, № 4, Часть 1: 56-63.
- Синцов Г.В. 2019. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения. Вестник Пензенского государственного университета, 1(25): 25–29.
- Спиридонов А.П. 2006. Особенности развития уголовного права в XVIII веке. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 1(29): 112-117.
- Телегин Г.И. 2013. Основные этапы формирования экстремизма как противоправного деяния в России. Юридический мир, 1: 53-58.
- Чернявская Т.А. 1997. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Судебник 1550 г. Нижний Новгород. URL: <https://poisk-ru.ru/s42596t22.html> (дата обращения: 20 июня 2022).

References

- Belyakov A.V., Matveychev O.A. 2009. Bol'shaya aktual'naya politicheskaya entsiklopediya [The Big Topical Political Encyclopedia]. Moscow, Eksmo, 424 p.
- Bredikhin A.L. 2020. III Otdeleniye Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii v istorii rossiyskogo politicheskogo syska [III Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery in the History of Russian Political Investigation]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo, 1: 5-11.
- Budnitskiy O.V. 1994. Krov' po sovesti: terrorizm v Rossii (vtoraya polovina 19 v. – nachalo 20 v.) [Blood for conscience: terrorism in Russia (second half of the 19th century - early 20th century)]. Otechestvennaya istoriya, 6: 203-209.
- Vorontsov S.A. 2007. Ponyatiye ekstremizma i yego sushchnostnyye priznaki [The concept of extremism and its essential features]. Filosofiya prava, 4: 65-71.
- Kaz'min V.N. 2020. Inakomysliye v sovetskom obshchestve: etapy stanovleniya i razvitiya (s serediny 1950-kh do nachala 1990-kh godov) [Dissent in Soviet Society: Stages of Formation and Development (from the mid-1950s to the early 1990s)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 450: 112-119.
- Kamalova G.T. 2012. Podrazdeleniye VCHK – GPU – OGPU v sisteme organov gosudarstvennoy vlasti [Department of the Cheka - GPU - OGPU in the system of public authorities]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo, 7 (266): 14-19.
- Konovalev I.A. 2017. Organizatsiya gorodskoy politsii po «Ustavu blagochiniya ili politseyskomu» 1872 goda [Organization of the city police according to the "Statute of the Deanery or Policeman" of 1872]. Pravoprimeneniye, 1(2): 31-37.

- Malakhov A.G. 2021. Nasiliye v teorii permanentnoy revolyutsii [Violence in the theory of permanent revolution. The Future of Science 2021: Collection of scientific articles of the 9th International Youth Scientific Conference (April 21–22, 2021)]. *Budushcheye nauki – 2021: Kursk, Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet*: 133-136.
- Matveyev S.Ye. 2009. Nekotoryye aspekty deyatelnosti organov OGPU – NKVD na severo-zapade Rossii v 1920-1930 gody [Some aspects of the activities of the OGPU - NKVD in the north-west of Russia in 1920-1930]. *Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii*, 5: 169-175.
- Petryanin A.V. 2011. Stanovleniye ugolovnoy otvetstvennosti i reglamentatsiya nakazaniya za prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti v Rossii [Formation of criminal liability and regulation of punishment for extremist crimes in Russia]. *Penitentsiarnaya nauka*, 16: 85-90.
- Pogorel'tsev V.I. 2020. Zarozhdeniye i razvitiye ekstremizma v mire i v Rossii [The origin and development of extremism in the world and in Russia]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3-2(42): 178-184.
- Rimskiy A.V. 2012. Kul'turno-ekzistentsial'nyye transformatsii religioznogo ekstremizma [Cultural and Existential Transformations of Religious Extremism]. Diss. ... cand. filos. sciences. Belgorod, 159 p.
- Rimskiy A.V., Rimskiy V.P. 2021. «Razrusheniye vmeste» ili O spetsifike ekstremistskikh soobshchestv [“Destruction Together” or About the Specifics of Extremist Communities]. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 46(3): 489-498.
- Romanova A.V. 2017. Stanovleniye i razvitiye kompetentsii MVD Rossiyskoy imperii v nachale KHIKH - nachale KHKH v. (na primere ispolnitel'noy politsii) [Formation and development of the competence of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the early nineteenth - early twentieth century (on the example of the executive police)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 9(4-1): 56-63.
- Sintsov G.V. 2019. Ekstremizm v Rossiyskoy imperii: prichiny zarozhdeniya [Extremism in the Russian Empire: Causes of Origin]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(25): 25–29.
- Spiridonov A.P. 2006. Osobennosti razvitiya ugolovnogo prava v XVIII veke [Features of the development of criminal law in the XVIII century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(29): 112-117.
- Telegin G.I. 2013. Osnovnyye etapy formirovaniya ekstremizma kak protivopravnogo deyaniya v Rossii [The main stages in the formation of extremism as an illegal act in Russia]. *Yuridicheskii mir*, 1: 53-58.
- Chernyavskaya T.A. 1997. Zakonodatel'nyye pamyatniki Rossii do 1917 g., ucheb-metod. posobiye. Ch. 1. Sudebnik 1550 g. Nizhniy Novgorod [Legislative monuments of Russia until 1917, study method. allowance. Part 1. Sudebnik 1550 Nizhny Novgorod]. Available at: <https://poisk-ru.ru/s42596t22.html> (accessed: 2022 June 20).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Поступила после рецензирования 30.10.2022

Принята к публикации 30.10.2022

Received September 28, 2022

Revised October 30, 2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Малахов Александр Геннадьевич, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Alexander G. Malakhov, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Aleksey V. Rimsky, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia